

© 1996 г., ЭО, № 5

ОТВЕТ К. П. КАЛИНОВСКОЙ

Проблема специфики социально-экономических отношений у кочевников-скотоводов относится к числу наиболее спорных вопросов исторической науки. Поэтому любая работа на данную тему является в той или иной степени дискуссионной. Всегда имеются исследователи, придерживающиеся иной точки зрения, которые не согласны с тем или другим пунктом позиции автора.

Однако одно дело, когда оппонент вступает в нормальную научную дискуссию. В процессе такой критики отрабатывается «защитный пояс» выдвинутых на обсуждение гипотез и положений, новая идея либо отвергается, либо приобретает статус концепции и иногда даже теории. Иными словами, так рождается новое знание. Другое дело, когда критика интересует не столько работа, сколько личность ее автора. В этой ситуации уже нет никакого дела до Истины. Речь же идет о выискивании всякого рода неточностей в непонравившейся работе, представлении взглядов ее автора как абсурдных.

К сожалению, рецензия д. и. н. К. П. Калиновской на мою книгу «Кочевые общества» (Владивосток, 1992), опубликованная в «Этнографическом обозрении» (1994. № 4), не лишена черт, являющихся рецензиям последнего типа (далее все ссылки на рецензию и рецензируемую книгу даются в тексте — *Н. К.*). Ее отличает менторский тон, избыток ярлычков (например, классификация ученых на «кабинетных» и «некабинетных», «молодых» и надо полагать «немолодых»), постоянные отсылки в наиболее дискуссионных моментах к шаблонным фразам типа «известно», «общеизвестно», «факты показывают», «факты свидетельствуют» и т. д. без ссылок на эти самые факты.

Не избежала рецензент и прямого передергивания фактов, содержащихся в монографии. Приведу только несколько характерных примеров. Так, К. П. Калиновская на стр. 152 пишет, что я ставлю в один ряд «вряд ли соизмеримых по авторитету» А. Тойнби и И. Я. Златкина. Однако на стр. 26 моей книги, на которую ссылается рецензент, ни о каком «соизмерении» речи и не идет. Там излагаются взгляды на сущность кочевых обществ А. Тойнби. В конце в квадратных скобках следует ссылка на его работу и далее (в той же сноске) написано: «о взглядах Тойнби см. также: Златкин, 1971; 1971а», т. е. дана отсылка к двум большим историографическим статьям И. Я. Златкина, в которых подробно разбираются взгляды выдающегося британского историка и философа.

В другом случае К. П. Калиновская обвиняет меня в «умалчивании» того факта, что концепция «кочевого феодализма» была выработана в виде выполнения «социального заказа тоталитарного государства по уничтожению кулаков, баев, части середняков...» (стр. 152 рецензии), хотя в книге в историографической части иными словами я пишу об этом же (стр. 30 книги). К сожалению, список подобных искажений текста моей монографии можно продолжить.

Публикуя монографию, я прежде всего надеялся на оценку коллегами концептуальной части работы, поскольку в ней много места уделено именно методологическим вопросам: соотношению стадийности и многолинейности в историческом процессе, несводимости всех общественных отношений к собственности, о «позитивных» и «негативных» функциях государства и т. д. Особенно я рассчитывал обсудить с коллегами главный вывод исследования — концепцию особого экзополитарного или ксенократического способа производства, так как она методологически переключается с концепциями «даннического» (С. Амин) и «африканского» (К. Кокри-Видрович) способов производства. Однако, судя по всему, проблемы методологии не входят в круг интересов рецензента. Наверное, поэтому К. П. Калиновская восприняла мою книгу только как историографическую работу, засоренную новыми терминами и обратилась в основном к выяснению историографических приоритетов.

Единственный принципиальный для концепции книги вопрос, который был затронут К. П. Калиновской, это место кочевых империй в общей истории номадизма. «Многие замечания, высказанные в настоящей рецензии, являются следствием того, что и название книги Н. Н. Крадина, и поставленные им цели исследования охватывают не вообще все кочевые общества, а лишь евразийские кочевые (степные) империи» (стр. 155 рецензии). Таким образом, она выступает против сведения проблемы стадийной (в рамках отечественной исторической традиции — формационной) характеристики кочевых обществ к проблеме стадийной характеристики кочевых империй.

В этом она вне всякого сомнения права, да и я, впрочем, никогда не пытался объединять эти вопросы, поскольку и в рецензируемой книге на стр. 50, 162, 180, 189 и в более поздних работах¹ писал и пишу, что большинство кочевых обществ потенциально были и на протяжении своей истории оставались догосударственными (хотя осознаю, что, возможно, в книге мне данную мысль следовало проводить четче и последовательнее).

Другое дело, что я принципиально не согласен с позицией рецензента, согласно которой, «общезвестно, что эти „империи“ составляют лишь отдельные и относительно кратковременные эпизоды в почти трехтысячелетней истории кочевых обществ» (стр. 151—152 рецензии). «Трехтысячелетняя история» — это, по мнению рецензента², промежуток с начала I тыс. до н. э. до XVIII в. За данный период в Центральной Азии существовали следующие крупные кочевые империи: хуннская (209 г. до н. э.— 48 г. н. э.) и

сяньбийская (примерно 155—180) державы, государство Северная Вэй (386—556), жужаньский (нач. V в. — 555), первый (552—630) и второй (683—734) тюркский и уйгурский (745—840) каганаты, киданьская (906—1125) и монгольско-юаньская (1206—1368) империи. Таким образом, на «почти трехтысячелетний» период расцвета номадизма более 1200 лет приходится на кочевые империи Центральной Азии.

Я учел здесь только самые могущественные кочевые общества. Однако внешнеэксплуататорская деятельность была характерна и для других политических объединений номадов, таких как: державы саков, динлинов, юэчжей, ханство сеяньто, кыргызский каганат, кара-киданьское государство, ханства монголов и ойратов XIV—XVII вв. и многие многие другие общества. Кроме того, для краткости изложения я исключил из перечня кочевые империи и подобные им внешнеэксплуататорские образования, существовавшие в восточноевропейских степях от Скифии до татарских ханств нового времени. Можно ли после этого говорить, что кочевые империи, подобные им общества и их завоевания были лишь «эпизодами» в истории Евразии?

Аналогичный вопрос можно поставить и в отношении эфемерности и кратковременности империй номадов. Держава хунну численностью в 1,5 млн. чел. просуществовала два с половиной века рядом с 60-миллионным Китаем и погибла лишь в результате усобиц элиты. Правда, это один из продолжительных результатов. Большеинство же степных империй укладывались в рамки 100—150 лет. Для сравнения могу сообщить, что из нековевых империй последних двух столетий Австро-Венгрия, например, просуществовала полвека, СССР — 74 года, Третий Рейх — всего 12 лет, а империя Наполеона и того меньше.

Думается, что главная причина разногласий между мной и К. П. Калиновской в этом вопросе очень проста. Мой уважаемый оппонент является известным специалистом в области африканистики, автором глубокой и интересной книги о скотоводах Восточной Африки XIX—XX вв. Действительно, никаких массовых военных походов, завоеваний номадами земледельцев и тем более кочевых империй в Восточной Африке в новое и новейшее время не существовало. Однако в Евразийских степях, как, впрочем, и в Северной Африке³, в доиндустриальную эпоху все было совсем иначе. Поэтому ее выводы «о незначительной роли лидеров-вождей у номадов» (стр. 154 рецензии) или о том, что наличие городов, ремесел, монументального строительства не известны кочевникам (там же) и т. д. в отношении истории, например, Центральной Азии не применимы. Разве Чингис-хан и его сыновья играли лишь «незначительную» роль в монгольском обществе XIII в.? Разве в указанный период у монголов не было городов (Каракорум, Сарай, Сарай ал-Джедид и пр.), монументального строительства, письменности и т. д.?

Все это не позволяет мне принять весьма резкую и необъективную критику К. П. Калиновской. Номадизм в период своего расцвета (а это как раз и есть время могущественных степных империй), как бы его не изучать — «из кабинета» или «по номадной практике» — не может быть уподоблен номадам эпохи кризиса кочевничества (новое и новейшее время), а тем более скотоводам Восточной Африки.

Большая же часть рецензии посвящена выяснению «научных приоритетов». Понятно стремление К. П. Калиновской защитить своего мужа от «неуважительности» «молодых» ученых, однако я совсем не замалчиваю авторитет такого крупного ученого, как Г. Е. Марков. Более того, Г. Е. Марков входит в число наиболее цитируемых в моей книге авторов. На 189 страниц чистого текста в монографии более 50 отсылок на его исследование, а в списке литературы учтено 13 его работ.

К сожалению, в своем стремлении приписать первенство в области кочевниковедения Г. Е. Маркову рецензент демонстрирует слабое знание историографии проблемы. Приведу для иллюстрации пару примеров. Так, на стр. 154 рецензии К. П. Калиновская пишет, что именно Г. Е. Маркову принадлежит приоритет «в доказательстве отсутствия у кочевников этапа господства рабовладельческих отношений». Мне вообще не известны исследования Г. Е. Маркова, в которых он бы столь же тщательно, как, например, Г. И. Семенов или А. М. Хазанов, рассматривал данный вопрос (хотя теоретически я допускаю, что такие работы могут быть). Но если бы в этом вопросе приоритет принадлежал именно ему, то он это должен был бы сделать не иначе как еще до своего рождения, поскольку еще на рубеже XIX—XX вв. Г. Нибур убедительно обосновал, почему рабовладельческие отношения не получили у номадов значительного распространения⁴.

На той же 154 стр. рецензии К. П. Калиновская пишет, что я не ссылаюсь на работы Г. Е. Маркова, «первым поставившего и в принципе раскрывшего проблему формирования племенной структуры номадов, тех систем связей, которые согласно социальной иерархии и создавали их общественную структуру». Однако еще до работ Г. Е. Маркова были написаны специальные обобщающие монографии на данную тему⁵. Тем более на стр. 134 книги, о которой в рецензии и идет речь, я ссылаюсь в том числе и на книгу Г. Е. Маркова! Вот уж воистину: предвзятый критик видит только то, что хочет.

Примечания

¹ Крадин Н. Н. Кочевые общества в контексте стадильной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 63 прим. 9; *его же*. Кочевые общества: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 30—31, 34 и др.

² Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник МГУ. Сер. история. 1983. № 5. С. 67, 69.

³ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. М., 1961; Лот А. Туареги Ахаггара. М., 1989. С. 222—227; Матвеев В. В. Средневековая Северная Африка. М., 1993.

⁴ Нибур Г. Рабство как система хозяйства. М., 1907. С. 237—265.

⁵ Bacon E. Obok. A Study of Social Structure in Eurasia. N. Y., 1958; Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.